

ДАНИИЛ
ХАРМС

Собрание
сочинений
в трех
томах

Полет в небеса

Том 1

АЗБУКА

Санкт-Петербург

С классической основой...

Вспоминая о Д. Хармсе, которого привлек к работе для детских журналов, С. Маршак говорил о нем как человеке «с абсолютным вкусом и слухом и с какой-то — может быть, подсознательной — классической основой»¹. Можно по-разному интерпретировать понятие «классической основы» у Хармса, но несомненные данные об освоении им предшествовавшей словесности говорят, по крайней мере, о литературной школе высочайшего уровня. Даже самые ранние записные книжки писателя (1925–1926) полны библиографических записей о книгах Пушкина, Достоевского, Лескова, Чехова. В большом списке стихотворений, которые Хармс в эту пору знал наизусть, — имена Блока, Гумилева, Сологуба, Ахматовой, Маяковского, Есенина². Это было, несомненно, освоение и усвоение самых разнообразных творческих явлений, которые не могли в дальнейшем не трансформироваться в собственном творчестве Хармса.

Сложность отыскания у Хармса следов этого усвоения связана с основополагающей его установкой на тотальную инверсию и решительный уход от любых прямых значений. «Ухо на щеке» (II, 2)³ — можно сказать, эмблема всего хармсовского творчества. И всякий раз загадка: откуда это ухо, так сказать, съехало на щеку.

¹ *Маршак С. Я.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1972. Т. 8. С. 509.

² См.: *Хармс Д.* Полн. собр. соч.: <В 5 т. 6 кн.>. СПб., 1997–2002. <Т. 5>. Кн. 1. С. 35.

³ Здесь и далее — отсылки к томам настоящего собрания (римскими цифрами) и соответствующим номерам текстов (арабскими).

Не стоит, разумеется, и преувеличивать зашифрованности текстов Хармса: в них достаточно прямых цитат и прозрачных реминисценций из произведений Пушкина, Гоголя, Козьмы Пруткова, Достоевского, Блока и др. При этом наиболее эффективный путь отыскания связей текстов Хармса с предшествовавшей ему «классической» литературой лежит в области ономастики: имена, отчества и фамилии хармсовских персонажей впечатляюще свидетельствуют о прочности таких связей.

Вообще тексты Хармса густо населены персонажами с именами и фамилиями. По нашим подсчетам, Хармс использует более 330 фамилий и более 130 имен. Многие из них повторяются (причем в разнообразных комбинациях).

Статистика наиболее употребляемых имен персонажей (5 и более раз) такова (в порядке убывания): Иван — 45 (в т. ч. 9 Иванов Ивановичей); Петр — 37 (в т. ч. 5 Петров Павловичей); Мария — 29; Николай — 23; Антон (и женский вариант Антонина) — 20; Федор — 16; Владимир — 13; Михаил (в т. ч. 2 Михеля) — 13; Андрей — 10; Анна — 9; Елизавета — 9; Наталья — 8 (в т. ч. 2 Натальи Ивановны); Сергей — 7; Александр (и женский вариант Александра) — 7; Ольга — 6; Пантелей — 6; Алексей — 5; Нина — 5; Марина — 5.

Наиболее употребляемые фамилии персонажей (3 и более раз): Петров — 12; Петраков (в т. ч. Петраков-Горбунов) — 8; Бобров (в т. ч. 3 Антона) — 6; Козлов — 6; Окнов — 5; Пирогов (и женский вариант Пирогова) — 5; Палкин — 4; Комаров — 4 (в т. ч. Камаров); Пузырёв — 4; Пятаков — 4; Колпаков — 3 (в т. ч. Колпакоп); Липавский — 3; Макаров — 3; Никандр (и вариант Никанор) — 3; Семёнов — 3.

Частота воспроизведения одних и тех же имен и фамилий порой инициирована у Хармса ближайшим окружением — родственниками и друзьями. Среди них, конечно, надо отметить его постоянных друзей и единомышленников Л. Липавского (1904–1941) и Александра Введенского (1904–1941); Марину Малич, вторую жену писателя (1912–2002); теток: Марию Ива-

новну (1882–1943) и Наталью Ивановну Коллюбакиных (1868–1945) и сестру Елизавету (1909–1994); псевдоним Николай Макаров был у Н. М. Олейникова (1898–1937).

Вместе с тем множество данных свидетельствует о литературном происхождении имен и фамилий и способах их сочетания и функционирования в произведениях Хармса.

Нельзя не заметить у него многочисленных парных персонажей: Козлов – Окнов, Петров – Камаров, Машкин – Кошкин, Пакин – Ракукин, Пузырёв – Бобырёв, мистер Пик – мистер Пак, наконец – Фадеев – Калдеев – Пепермалдеев. Это совершенное подобие явления, не раз уже отмеченного в литературе о поэтике Гоголя. У него находим: дядя Митяй – дядя Миняй, Фома Большой – Фома Меньшой, Карп – Поликарп, Перхунковский – Бербендовский, Добчинский – Бобчинский и др. Эти так называемые «двойчатки» у Гоголя являются и в сочетаниях имени и отчества: Антон Антонович, Акакий Акакиевич... У Хармса это явление приобретает гомерические размеры: Адам Адамыч (I, 347), Алексей Алексеевич (II, 193<11>) и даже Алексей Алексеевич Алексеев (II, 114, 161), Андрей Андреевич (II, 156, 193<16>), Антон Антонович (I, 348; II, 15, 91, 138), Федор Федорович (II, 63), Семен Семенович (II, 133, 193<6>), Николай Николаевич (II, 141). Особый разговор об Иванах Ивановичах. Выше отмечено, что имя Иван в текстах Хармса и относительно и абсолютно занимает первое место. Это сопрягается с высокой частотой появления Иванов у Гоголя. Степень населенности Иванами произведений Гоголя можно представить даже только по одним «Игрокам», где слуга Гаврюшка перечисляет дворню своего хозяина: «Игнатий буфетчик, Павлушка, который прежде с барином ездил, Герасим лакей, Иван – тоже опять лакей, Иван псарь, Иван опять музыкант, потом повар Григорий...»¹ При этом число совпадений в сочетании этого имени с соответствующими отчествами у Хармса и Гоголя настолько

¹ *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1959. Т. 4. С. 161. Далее ссылки на это издание с указанием римскими цифрами тома и арабскими – страниц.

велико, что не может быть случайным: Иван Яковлевич, цирюльник в «Носе» Гоголя, который «проснулся довольно рано и услышал запах горячего хлеба» (III, 44), — и три Ивана Яковлевича у Хармса (II, 68, 125, 135); Иван Антонович, заведующий крепостной канцелярией в «Мертвых душах», — Иван Антонович у Хармса (II, 43); Иван Петрович, главный герой в «Утре делового человека», — Иван Петрович Лундапундов (II, 14); Иван Андреевич, почтмейстер в «Мертвых душах», — Иван Андреевич Редькин у Хармса (II, 142); Иван Григорьевич, председатель палаты в «Мертвых душах», с которым, по словам Чичикова, он очень приятно провел время, — Иван Григорьевич Кантов (II, 7); Иван Федорович (Шпонька) — Иван Федорович в рассказе без заглавия у Хармса (II, 27). Особое место, как сказано выше, занимают и у Хармса и у Гоголя Иваны Ивановичи. У Гоголя это: хозяин квартиры, которую в пору своей бедности нанимал художник Чартков («Портрет»); крестный отец Акакия Акакиевича («Шинель»); один из гостей помещика Сторченка, к которому приезжает Иван Федорович Шпонька; его высокопревосходительство («Утро делового человека»); наконец, один из главных персонажей «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». У Хармса, как отмечено выше, это персонажи девяти текстов (I, 1, 343, 344; II, 114, 140, 193<26>; III, 1 и др.), причем Иван Иванович Никифоров — это явная контаминация гоголевских Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича.

Что же касается других «двойчаток» у Хармса в соотнесении с гоголевскими, то можно сопоставить его Антонов Антоновичей (см. выше) с Антоном Антоновичем Сквозник-Дмухановским («Ревизор»); Федора Федоровича Колпакова (см. выше) с двумя Федорами Федоровичами у Гоголя (барин в сцене «Лакейская» и начальник отделения Леницын во 2-м томе «Мертвых душ»).

С гоголевским влиянием, вероятно, следует связать и несколько достаточно экзотических для хармсовского времени

имен персонажей. Имя кучера и слуги Селифана из «Мертвых душ» трижды встречается у Хармса (II, 158, 192.12, 27; в последнем случае это более правильное воспроизведение старобрядческого по своему происхождению имени Селиван); отставной офицер Никанор Анучкин из «Женитьбы» встретится у Хармса (I, 138, 152; II, 39; сюда причисляем и вариант этого имени Никандр); Андрон из «Мертвых душ» (V, 198) появится в виде Андрония у Хармса (I, 143).

Наконец, должны быть отмечены «гоголевские» фамилии в произведениях Хармса: Пирогов, поручик, неудачно ухаживающий за хорошенькой блондинкой («Невский проспект»), трижды встречается у Хармса (I, 343; II, 43 и черновой набросок); помещик Бобров, о котором вспоминает Коробочка в «Мертвых душах» (V, 47), трансформируется у Хармса в шестерых Бобровых (среди которых и отмеченная выше «гоголевская» «двойчатка» Антон Антонович); Бобов, о котором говорится в «Записках сумасшедшего» (III, 184), появится в качестве главного персонажа в незаглавленном рассказе Хармса (II, 135)¹.

Обследование под углом зрения ономастики совпадений в текстах Хармса с произведениями другого его любимого писателя — Достоевского, безусловно, должно учитывать также то, давно уже ставшее аксиомой, положение, что сам Достоевский находился под значительным влиянием гоголевской поэтики и ее пародированием преодолевал это влияние. Поэтому, разумеется, у Достоевского встречаем всё те же «гоголевские» «двойчатки» в наименованиях персонажей и прочие, отмеченные выше свойства, в проявлении которых у Хармса невозможно отделить влияние Гоголя от Достоевского. Скажем, вышесопоставленные у Хармса и Гоголя Антоны Антоновичи при-

¹ О гоголевских мотивах у Хармса см.: *Jaccard J.-Ph. Daniil Harms et la fin de l'avant-garde russe. Bern...* 1991 (в перев. на русский яз.: СПб., 1995) — по указателю; *Сажин В. Тысяча мелочей // Новое литературное обозрение. 1993. № 3. С. 96–98.*

сутствуют и у Достоевского в «Записках из подполья» и «Записках из Мертвого дома»; Федоры — в «Бедных людях» и «Записках из Мертвого дома»; Иваны Ивановичи — в «Селе Степанчикове...» и «Записках из Мертвого дома»; Иваны Петровичи — в «Униженных и оскорбленных» и «Романе в девяти письмах»; Иваны Андреевичи — в «Чужая жена и муж под кроватью» и «Романе в девяти письмах».

Наряду с этим в наименованиях персонажей у Хармса и Достоевского находим и оригинальные совпадения: Семен Семенович у Достоевского («Крокодил», «Преступление и наказание») встретится также в двух текстах Хармса (см. выше); Иван Матвеевич («Крокодил» и «Записки из Мертвого дома») имеется и у Хармса (I, 35); Елену Ивановну («Крокодил» и «Преступление и наказание») обнаруживаем у Хармса (II, 4); Фома («Село Степанчиково...» и «Господин Прохарчин») — одно из любимых хармсовских имен (II, 19, 29, 42); по два раза появляется имя Тимофей у Достоевского («Бедные люди» и «Крокодил») и Хармса (II, 193<29>); отмеченной высокой частоте имени Петр у Хармса корреспондируют Петры у Достоевского («Бедные люди», «Двойник», «Роман в девяти письмах», «Как опасно предаваться честолюбивым снам», «Преступление и наказание»); кухарка Пелагея, являющаяся во сне в «Как опасно предаваться...» Достоевского, встретится и у Хармса (II, 1; едва ли не в той же функции); многочисленные хармсовские Елизаветы (см. выше) находятся и у Достоевского («Чужая жена и муж под кроватью», «Записки из подполья», «Преступление и наказание»); Глафиру из «Чужая жена и муж под кроватью» Достоевского найдем у Хармса (I, 159); многочисленные хармсовские Андреи (см. выше) у Достоевского присутствуют в трех произведениях («Двойник», «Господин Прохарчин» и «Преступление и наказание»). Обращает на себя внимание то, что из «Крокодила» Достоевского у Хармса встречаются имена всех действующих лиц (за исключением немца). Укажем также на многочисленные совпадения в фамилиях персонажей Достоев-

ского и Хармса: Тюльпанов из Достоевского («Село Степанчиково...») появится в двух текстах Хармса (I, 73, 108; в первом случае — прямая аллюзия на произведение Достоевского); Пузырёв («Чужая жена и муж под кроватью») — в трех прозаических текстах Хармса (II, 107 (вариант), 114; III, 70); многочисленным Петровым у Хармса (см. выше) найдется однофамилец и у Достоевского («Записки из Мертвого дома»); в том же произведении Достоевского имеется Орлов, которого также встретим у Хармса (II, 193<2>); там же — Михайлов, который дважды встречается у Хармса (II, 148, 193<2>); Марков из «Бедных людей» обнаруживается у Хармса (II, 193<24>); в том же произведении Достоевского имеется Ермолаев, которого найдем и у Хармса (II, 126); Блинову из Достоевского («Как опасно предаваться честолюбивым снам») отыскиваются однофамильцы в двух произведениях Хармса (II, 126 и примечание); наконец, в «Записках из Мертвого дома» встретим еще две фамилии, Антонов и Гвоздикив, которые есть и у Хармса (соответственно II, 68; III, 87); бросается в глаза, наряду с «Крокодиллом», большое число совпадений фамилий персонажей «Записок из Мертвого дома» с произведениями Хармса.

За пределами представленных ономастических параллелей располагается обширное поле исследования того, как мотивы и сюжеты Достоевского интенсивно трансформируются у Хармса¹. Оснований для такого исследования множество. Достаточно, например, отметить такую «хармсовскую» сцену в «Неточке Незвановой» Достоевского: «...я упала на улице и пролила всю чашку. Первая моя мысль была о том, как рассердится матушка. Между тем я чувствовала ужасную боль в левой руке и не

¹ Можно назвать лишь несколько работ, в разной степени предваряющих масштабное исследование этой темы: *Jovanovic M.* Случай Раскольникова и его отголоски в русской советской прозе: (пародийный аспект) // *Zbornik za slavistiku*. 1981. № 21. P. 46–48; *Cassedy S.* Daniil Kharm's parody of Dostoevskii: anti-tragedy as political comment // *Canadian — American studies*. 1984. № 18. P. 268–284.

могла встать. Кругом меня остановились прохожие; какая-то старушка начала меня поднимать, а какой-то мальчик, пробежавший мимо, ударил меня сапогом в голову» (*Достоевский Ф.* Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1972. Т. 2. С. 161). Можно обратить, например, внимание на параллель такой впечатляющей детали «Старухи» Хармса, как неведомо куда отлетевшая челюсть мертвой старухи, со сном Степана Петровича Верховенского в «Бесах» Достоевского, в котором ему является раскрытая челюсть: М. С. Альтманом эта деталь у Достоевского интерпретируется как крайняя степень опасности, по народному поверью предвещающая близость смерти¹.

Достойны параллельного сопоставления сны у Достоевского и Хармса; эротические коннотации мотива насекомых у обоих писателей²; соотношение у них частоты употребления слова «вдруг»³ и еще целый ряд важнейших для обоих писателей мотивов и свойств их поэтики.

Таким образом, ассоциирующееся с Хармсом понятие «авангардного писателя», которое предполагает обновление языка, поэтики, самого взгляда на мир, не только не отменяет фундаментальной классической основы его творчества, но она уже обнаруживается и еще должна быть выявлена в таком масштабе, что самое понятие «авангарда» применительно к творчеству Хармса потребует существенных корректировок.

Валерий Сажин

¹ Альтман М. С. Пестрые заметки // Достоевский: Материалы и исследования. З. Л., 1978. С. 189.

² У Достоевского этот аспект рассмотрен: Баллеп Р. Л. Структура «Братьев Карамазовых». СПб., 1997.

³ Применительно к Достоевскому см.: Топоров В. Н. О структуре романа Достоевского в связи с архаичными схемами мифологического мышления: («Преступление и наказание») // Structure of Texts and Semiotics of Culture. Paris, 1973. P. 225–302.

СТИХОТВОРЕНИЯ

1925

1

**О том как иван иванович попросил
и что из этого вышло**

Посвящается Тылли и восклицательному знаку

иван иваныч расскажи
кíку с кóкой расскажи
на заборе расскажи

ты расскажешь паровоз
почему же паровоз?
мы не хотим паровоз.

лучше шпилька, беренда́
с хи ка ку гой беренда
заверте́ла беренда

как то жил один столяр
только жилистый столяр
мазал клейстером столяр

делал стулья и столы
делал молотом столы
из орéшника столы

было звать его иван
и отца его иван
так и звать его иван

у него была жена
не мамаша, а жена
НЕ МАМАША А ЖЕНА

как её зовут теперь
я не помню теперь
позабыл те́ — пе́рь

иван иваныч говорит
очень у́мно говорит
п о ц е л у й * говорит.

а жена ему: нахал!
ты муж и нахал!
убирайся нахал!

я с тобою не хочу
делать это не хочу
потому что не хочу.

иван иваныч взял платок
развернул себе платок
и опять сложил платок

ты не хочешь, говорит
ну так что же, говорит
я уеду, говорит

* В оригинале стоит непреличное слово. (Примеч. автора.)

а жена ему: нахал!
ты муж и нахал!
убирайся нахал!

я совсем не для тебя
не желаю знать тебя
и плевать хочу в тебя.

иван иваныч поглупел
между прочим поглупел
у усикірку поглупел

а жена ему сюда
развернулась да сюда
да потом ещё сюда

в ухо двинула потом
зубы выбила потом
и ударила потом!

иван ива́нович запнулся
так немножечко запнулся
за п... п... п... п... п... пнулся

ты не хочешь, говорит
ну так чтоже, говорит
я уеду, говорит

а жена ему: нахал!
ты муж и нахал!
убирайся нахал!

и уехал он уехал
на извощике уехал
и на поезде уехал

а жена осталась тут
и я тоже был тут
оба были мы тут.

*Даниил
Заточник (Хармс)
1925 ноябрь.*

2

От бабушки до Esther

бабаля мальчик
трэстень гúбка
рукой саратовской в мыло уйду
сырым седёньем
щёниша вáльги
кудрявый носик
платком обут —
капот в балах
скольжу трамваем
Владимирскую поперёк
посельницам
сыру́нду свай
грубить татарину
в окно.
мы улицу
валу́нно ла́чим
и валенками набекрень
и жёлтая рука иначе
купается меж деревень.
шлён и студень